

Не любитель я выковыривать, как изюм из булок, глупо-мысленные цитаты из классики и приспособлять их к рассуждениям на злобу дня. Но иногда уж очень велик соблазн. Вот прочтите-ка маленький фрагмент из хрестоматийного произведения, всем до боли знакомого по школьной программе. Из фрагмента мы не уберем ни слова, лишь заменим имена условными обозначениями. Зачем, скоро поймете.

"Когда гости, сытые и довольные, толпились в передней, разбирая свои пальто и трости, около них суетился "А", или, как его звали здесь, "а", мальчик лет четырнадцати, стриженный, с полными щеками.

- А ну-ка, "а", изобрази! - сказал ему "В".

"А" стал в позу, поднял верхнюю руку и проговорил трагическим тоном:

- Умри, несчастная! И все захотелось. "Занятно", - подумал "С", выходя на улицу.

Он зашел еще в ресторан и выпил пива, потом отправился пешком к себе..."

Вот такая вот картинка. Трудовые будни масскультуры. Здесь у каждого своя выученная на зубок роль: "А" - очередной кумир, который пока еще воспринимает на полном серьезе себя в качестве звезды и обожание толпы принимает за чистую монету, "В" - менеджер, этакий воротила шоу-бизнеса и ужасно неприятный дядька, "С" - человек из публики, жаждущий зрелищ с какими-нибудь наворотами. Картина вполне универсальная. Надо лишь время от времени менять некоторые детали на более подходящие к тому амплу, которое избрал для себя "А" (хотя чаще это за него делает "В"). Скажем, герою этого материала вместо "умри, несчастная" больше бы подошли такие строки: "Скоро я умру, скоро мы умрем. Приходи, мой друг. Погнем вдвоем". А что? Вполне панковская лирика.

Наш-то "А" по прошествии лет понял, что их тогдашний яростный протест с элементом ломового стеба и почти клинического безумия был превращен в очередной акт нескончаемого представления в театре костюмированного рока. Их будущий менеджер, тогда еще владелец магазинчика готовой одежды, где частенько собиралась весьма специфическая публика, именно среди посетителей своего заведения и присмотрел себе подходящих типажей. Наш "А" теперь четко представляет, что происходит с вышедшими на эту сцену: либо твое собственное лицо со временем застывая, превращается в маску (причем в личину гораздо чаще, чем в лик), либо же грим намертво присыхает к коже - избранный сценический образ становится частью твоего "я". Выбор не богат. Впрочем есть еще один вариант. Можно уйти со сцены. Не дожидаясь финала...

ДЖОННИ, ИЗОБРАЗИ!

Не знаю точно, какими такими соображениями руководствовался Джон Лайдон, присваивая своей нынешней группе название Public Image Ltd (PIL), т.е. что-то вроде "Компании с ограниченной ответственностью" "Общественный имидж". Но человеку мало-мальски знакомому с его деятельностью, название это представляется, во-первых, вполне "говорящим", во-вторых, исполненным глубочайшего сарказма - вполне в духе Лайдона. Само звучание аббревиатуры удивительно напоминает английское словечко pill, т.е. "пилюля", каковые пилюли Джон постоянно подсовывает публике: в песнях и в интервью, прилюдно и с глазу на глаз он частенько "прикладывает" истеблишмент, прессу, mass production, не в меру ретивых поклонников, концептуальное искусство, динозавровроко, юную компьютерно-полосовую поросль и прочая, прочая, прочая. Тех, кто помнит времена, когда он был еще Джонни Роттеном, это не удивляет: Лайдон остается верен себе. Во всяком случае в своих антипатиях он удивительно постоянен. Да только вот дело-то в том, что Джон-нынешний, в отличие от тогдашнего Джонни, знает: взгляды взглядами, но жаждущая сенсаций пресса из всего этого та-

кой ливер может соорудить... Хватит! Научен уже. В секс-пистоловские времена на него сотоварищи вешали всех собак (была, мол, тишь да гладь, а тут вдруг явились немытые-нечесанные бяки да все испортили), и провозглашали их ниспровергателями устоев и выразителями настроений целого поколения, и балаганных шутов из них же делали. Так что, вот вам! Получите! "Компания с ограниченной ответственностью". Мы сказали то, что сказали, остальное - ваши проблемы.

Наверное, не найдется другой группы, чьи 15 минут славы были бы столь же короткими и сумасшедшими, как у Sex Pistols. Стив Джонс после того, как эти 15 минут уже давно истекли, говорил, что столь скорый финал был абсолютно неизбежен: "Вспомните New York Dolls: отличные и слегка двинутые парни. Но все, что они делали, было слишком подлинным и поэтому быстро закончилось. То же и с Sex Pistols. Если бы с нами не случилось то, что случилось, мы бы просто-напросто превратились в кучу дерьма". Среди прочих человеческих качеств естественность для Лайдона по-прежнему одно из самых привлекательных. Он, собственно, и компьютерное-то поколение не переваривает в первую очередь из-за того, что оно, по его словам, "лишено жизни". Но естественность должна быть к чему-то приложима. Естественность жизнерадостных Beatles не сродни искренности Pistols, пазочарованных во всех и вся. К тому же предложенный ими "сумбур вместе музыки" и эпатаж, замешанный на наркотиках и бреде, стараниями менеджера Pistols Малькольма Макларена все больше и больше превращался из искреннего (пусть и жутковатого) протеста в планомерную, хорошо продуманную рекламную кампанию, механика которой вполне доходчиво была объяснена в фильме "The Great Rock-n-roll Swindle". Пошла игра, причем игра по-крупному. Музыканты уже просто поддерживали свой имидж антигероев, каждый раз увеличивая "дозу". Но и этого не всегда хватало. Скандалы вокруг группы обростали все более живописными деталями. Лайдон и по сей день вынужден опровергать некоторые из них - например, что де он с сотоварищами даже блевал как-то в одном аэропорту. Музыканты становились заложниками собственной весьма одиозной популяр-

ности. Порядком измученные всем происходящим, они в свою прощальную гастроль по Штатам отправились в состоянии, близком к нервному срыву. Все, что было дальше, лишь усилило эти настроения. "Политэкономический ликбез", затеянный Маклареном, был продолжен американскими устроителями турне: даже на шизе можно сделать сумасшедшие деньги. На выступления Sex Pistols валом валили не одни уже только изгой общества, но и эксцентричная публика, просто охочая до отвязных шоу. Все это смахивало на откровенный балаган, уничижительный для самолюбия и небезопасный для психики. После концерта 14 января 1978 года в Сан-Франциско Роттен заявил, что больше не намерен вальсировать Ваньку (или Джоньку?). Он и на этих-то выступлениях уже был как бы на втором плане: роль коверного исполнял Сид Вишес, к тому времени вошедший в штыпор и уже мало что соображавший. Он же, кстати, наглядно продемонстрировал, что в сценической и житейской биографии патентованного нигилиста подобная самопародия - не единственно возможный финал, есть и альтернатива: год спустя Сид умер. Передозировка наркотиков...

Обо всем, что было, Лайдон вспоминает не всегда охотно. Порой он даже избирает в печи само название Sex Pistols. Вместо этого он говорит "моя первая группа". Звучит почти как эвфемизм. Возможно, тем самым он лишний раз подчеркивает, что отнюдь не собирается взбивать пену из своей бывшей скандальной популярности, в которой эпатирующим было даже название группы и псевдонимы некоторых музыкантов: Роттен и Вишоз ("Гнилой" и "Порочный"), признание имеющихся в наличии физических и нравственных изъянов, демонстративное презрение к общепринятым моральным принципам и даже элементарным гигиеническим нормам ("Гнилой"-то почему? Да зубы не в порядке, вот изо рта и пахнет). Сид так и умер - "Порочным". Джон опять стал Лайдоном. "Джонни Роттен - это икона". Это его собственные слова. На очередной всплеск интереса к Sex Pistols со всеми сопутствующими вещами (как то: выход коллекционных записей, высокие места во всеческих монументальных списках ста лучших альбомов десятилетия (столетия? тысячелетия?); намеки на возможное вос-

рокмэна, финал, живи-быстро-умирай-рано и т.д.) Джон предлагает самим попробовать повторить его путь прямо вот сейчас. Что? Нет? Мистер Лайдон очень сожалеет: "Чем меньше таких субъектов будет на нашей планете, тем лучше". Потому-то и фильм "Сид и Нэнси" он считает ужасной гадостью, особенно ту его часть, где настоящий героинный ад, в который угодили бедняга Вишоз, усилиями режиссера Алекса Кокса представлен как рок-н-рольная Земля Обетованная. Наигравшись в свое время в подобный кондовый рок-н-ролл, имеющий привкус собственной крови, хлынувшей горлом, Джон Лайдон постиг ценность жизни.

Естественно, отдельные граждане из публики, чувствующие себя одуроченными, швыряют в экс-Роттена камни-другой. Прощай!!! Извините, но Джон по-прежнему сторонится истеблишмента. Бабки бьет!!! Паскуда! Да нет. Просто пишет музыку, которая ему самому нравится, вот и все. Один продюсер, заикнувшийся было, что вот тут и вот тут лучше бы сделать вот так - из коммерческих соображений - тут же получил коленом под зад (фигурально, господа, только фигурально). Сам отказ Лайдона эксплуатировать секс-пистоловский имидж - лишнее подтверждение его неангажированности и нежелания делать деньги любой ценой. Попрекают его и буржуазным образом жизни (да, должно быть, к дантисту Джон теперь наведывается регулярно (и этим, как его?, забвением идеалов мятежной юности) пожалуй, "антиидеалов" будет точнее). Тоже оригинальный упрек. Это что же, значит? Дядька, которому уже за тридцать, долже изображать из себя юнца с неуравновешенной психикой и явными суицидными наклонностями? Аудитория PIL - не узкий круг ограниченных лиц, как ныне принято говорить. Они выступают не только перед постаревшими панками, которые слетаются на имя былого кумира - самому Лайдону интереснее завоевывать "чужого" зрителя, доказывая ему, что ты на что-то способен как музыкант.

Впрочем, на типичного перебежчика бунтаря, занятого теперь ненавязчивым музицированием, Джон не очень похож. Не все в его жизни безмятежно. Например, подданного Ее Величества мистера Лайдона беспокоят налоги. Едва очередное его творение

New Hot Rock. - 1993. - № 3. - с. 5

Я - САМЫЙ СУМАСШЕДШИЙ

соединение и т.д.) Джон смотрит вполне трезво: "Pistols стали частью удобной маленькой ностальгии, они модны и вполне приемлемы". Попытаться как-то использовать все это или возродить группу Лайдон не собирается. Ведь однажды он уже отказался участвовать в этом балагане. Называть вещи своими именами можно и не влезая в личину всеобщего козла отпущения и Негодяя N1 во всем Соединенном Королевстве. Он теперь занят музыкой, а не саморазрушением. "Не вижу никакого кайфа в том, чтобы смотреть, как другие уничтожают себя". Проходили уже. Знаем. Все эти секс-пистоловские экзерсисы со вскрытием вен и прочими штучками в свое время кому-то казались невиданной диковиной, кто-то в этой вакханалии усматривал зерна сермяжной рок-н-рольной правды. Ну так ради Бога. Всем сторонним наблюдателям, несущим банальную ахинею о кончине Вишоза (мол, вот он, достойный настоящий

поднимается достаточно высоко в списках популярности и начинает приносить мало-мальский доход, у музыканта начинается головная боль. Он сокрушенно чешет в затылке: ядрена-матрена! 75% - в казну, т.е. стало быть на поддержку ненавистной политической системы. Вон куда трудовой-то фунт уходит. Обидно, блин. И из Англии уезжать не хочется. Родина! Как тут быть?

Но как бы там ни было, Джон-нынешний больше всего озабочен всемирными проблемами (экологической, например) и собственным творчеством. В группе идет нормальная работа. И все организовано, кстати, на вполне демократических началах. Никакой борьбы за лидерство, как это было в конце секс-пистоловской карьеры, когда Роттен с известной долей ревности взирал, как публика приветствует очередную сумасбродную выходку Вишоза. Это стало превращаться в своего рода соревнование: чья крыша дальше уедет? Проигравший Джон не переживает по поводу той давней неудачи. Победитель, как известно, не получил в результате ничего.

Так что, уважаемая публика, ждущая повторения на бис смертельного номера, поймите в виду: "кина не будет!" А посему расходите-ся к вы лучше по домам.